

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

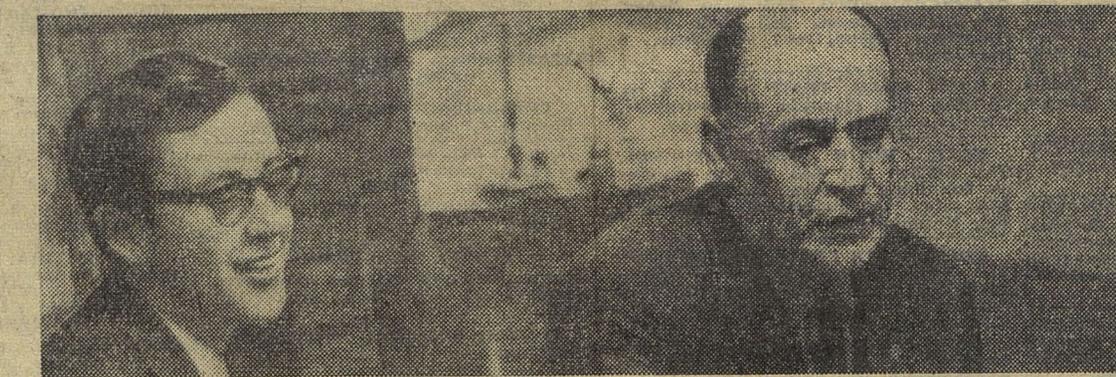
ВНЕМ все крупно — и черты лица, и жесты, и мысль, и форма ее выражения. Редкий собеседник, Борис Николаевич Ливанов отвечает на вопросы сразу, словно давно ждал, чтобы на них откликнуться. Темперамент, сдерживаемый волей, бушует где-то в глубине, ища выхода, — так казалось мне долгие часы, пока мы вели беседы. А длились они три вечера кряду, и не обо всем услышанном мной удастся рассказать в газетной статье, тем более что в беседах принимал участие и сын Б. Ливанова — Василий, суждения которого в большой мере отражают круг интересов молодого актерского поколения. Небезынтересно знать, что он является представителем третьей ступени династии Ливановых, так как и его дед Николай также был актером, которого хорошо помнят многие зрители Московского театра имени Ленинского комсомола.

Застольный разговор наш строился не по схеме вопросов и ответов, хотя вопросы мной были заранее заготовлены. Борис Николаевич, отвечая на них, увлекался сам, увлекал сына, легко «переигрывал» меня, заставляя касаться проблем, волновавших его.

— Вот вы говорите о психологии актера, — замечает Борис Николаевич, — о его огорчениях, тревогах, радостях, поисках. А что такое поиск? Ведь это не просто элемент творчества, это каждодневное, ежечасное, непреходящее, вечное состояние артиста, если он настоящий художник. В непрестанных исканиях и заключена его творческая жизнь. Из этого круга он не выходит ни днем, ни ночью. Вспомните, как воскликнул молодой Станиславский: «Боже! Какая попытка быть актером!».

Интересно, что когда он уже был очень серьезно болен и стар, когда оставил сцену, мы, навестив его однажды, спросили, как он чувствует себя теперь. Он ответил, что, с одной стороны, горюет, а с другой — испытывает счастье. Поясняя свою мысль, Константин Сергеевич сказал, что его требования к актеру так возросли, что он не решился бы теперь выйти на сцену, что не сумел бы удовлетворить требованиям, которые сам предъявляет к актерам.

Я думаю, что Станиславский делал нас, мхатовцев, самыми счастливыми и самыми несчаст-



БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ЛИВАНОВ и его сын ВАСИЛИЙ.

Фото Р. ФЕДОРОВА.

ЛИВАНОВЫ

ными людьми. Воспитанная в нас взискательность к себе так высока, что никогда не даст испытывать чувства удовлетворения...

— Неудовлетворенность своей работой, — замечает Василий, — присуща не только мхатовцам.

За десять лет, истекших после окончания училища имени Щукина, Василий стал уже известным киноактером. В его послужном списке шестнадцать фильмов — «Неотправленное письмо», «Суд сумасшедших», «Коллеги», «Синяя тетрадь», «Слепой музыкант», в котором, кстати, он играл вместе со своим отцом, и другие.

Разные не только по внешним данным, по принадлежности к разным театральным школам, но и по жизненному и творческому опыту, по характеру дарования, отец и сын — товарищи по оружию, единомышленники, в которых равно сильны личная заинтересованность в судьбах искусства, чувство гражданственности, целеустремленность, понимание высоких задач, стоящих перед театром и кинематографом.

— МХАТ — это детище Станиславского и Немировича-Данченко — несомненно, высшее выражение мировой театральной культуры, оказавшее влияние на формирование передовых сценических направлений во многих странах, — говорит Б. Ливанов. — Должен заметить, что Немирович-Данченко был замечательным режиссером и в потенции прекрасным актером. Он

часто действовал методом показа, и мы восхищались его игрой на репетициях.

— Вы сами, как режиссер, очевидно, прибегаете к приемам показа? Как актеру вам, естественно, это и легче. Но в чем вы видите главную задачу режиссера? (Следует напомнить, что на сцене МХАТа Б. Ливанов осуществил ряд значительных постановок, в том числе таких, как «Братья Карамазовы» в своей инсценировке, «Егор Булычов и другие», где исполнял главную роль, «Ночная исповедь» А. Арбузова).

— Подлинная режиссура — понятие сложное и емкое. Режиссер — и исследователь, и философ, трактующий произведение драматургии и осуществляющий свой собственный замысел, и педагог, когда речь идет о работе с актером.

Я добавил бы, что режиссер обязан быть и музыкантом, если он привлекает к постановке музыку, и, конечно, художником, мастером театральной живописи, умеющим с достаточной полнотой представить себе внешний образ будущего спектакля.

И тут наш разговор с дуэтом Ливановых приобретает неожиданный поворот. Бал — как говорили в старину, — да они же и впрямь художники! Разве не видели мы некоторые рисунки Бориса Николаевича, публиковавшиеся на страницах газет и журналов! И вот извлекается из шкафа груда папок с рисунками, да с какими! Великолепно выполнен-

ные портреты мхатовцев — актеров, режиссеров, суфлеров, работников технических цехов. Есть остроумные шаржи, дружеские карикатуры.

Я читаю восторженный отзыв выдающегося советского живописца П. П. Кончаловского, заканчивающийся категорической фразой: «Конечно, их надо издать». И другую запись — известного графика Ореста Верейского: «Чудесные и острые рисунки — целая летопись Художественного театра. Из них выйдет превосходный альбом».

Как досадно, что все это пылится в папках!

Оказывается, что сын унаследовал от отца талант не только актера, но и художника. У Василия тоже целое собрание рисунков, в которых легко обнаруживается свой собственный почерк. И тут выясняется, что Василий Ливанов «ушел в мультипликацию». Работает он теперь над мультфильмом по мотивам «Синей птицы» Метерлинка. В содружестве с М. Вольпиным пишется сценарий, а затем будет сам ставить его. Это не первая его режиссерская работа. По телевидению уже показывали фильм В. Ливанова «Самый, самый», получивший положительную оценку.

— Ваши актерские планы?

— Недавно снимался на киностудии «ДЕФА» в ГДР в фильме «Мне было девятнадцать». Скоро эту картину покажут в Москве.

— А вы, Борис Николаевич, над чем сейчас работаете?

— Меня пригласили в Болгарию ставить на сцене Софийского театра имени Вазова «Братья Карамазовы» в моей инсценировке.

Пора заканчивать затянувшуюся беседу.

— Что бы вы пожелали сказать в заключение читателям «Вечерней Москвы»?

— Искусство не терпит равнодушных, — говорит Ливанов-старший, — ни служителей его, ни зрителей, кому оно адресовано. Восприятие искусства доступно только горячему и взволнованному сердцу. Вот почему художник ценит аудиторию, в которой он чувствует трепетный отклик.

Мне бесконечно дорого не только общение с партнерами на сцене, но еще дороже общение с зрительным залом. Я должен чувствовать его живое дыхание, и тогда я на сцене живу.

Эти слова Бориса Николаевича Ливанова адресованы вам, дорогие читатели. Он хочет, чтобы вас с ним соединяли незримые нити душевного контакта, чтобы актер смог повторить слова великого Станиславского: «Нет большей радости, как быть у себя дома на сцене, и ничего хуже, как быть гостем на ней».

И. АДОВ.



А. КТОРОВ.

Дружеский шарж Б. ЛИВАНОВА.